В АНТРАКТЕ

Опера – бессмертное искусство

Виктор ЧЕРНОМОРЦЕВ – народный артист России, лауреат премии «Золотая маска», солист Мариинского театра, исполнитель роли Грязного («Царская невеста»).

– Опера – искусство, созданное не на год и не на два. Она создана на века. Все зависит от того, как поставлен спектакль, какие силы в нем заняты, есть ли в этой постановке душа. Конечно, работа эта нелегкая. Но когда оперный спектакль, наконец, готов, сам получаешь от участия в нем огромное удовольствие…

Думаю, то, что ваш город замахнулся сегодня на такие оперные фестивали, говорит о многом. В частности, о том, что его руководителям небезразлична жизнь людей, здесь живущих и работающих. Создатели фестиваля достойны огромной благодарности. И если городские власти, поддержавшие в свое время эту инициативу, в дальнейшем не оставят ее своим вниманием, ваш фестиваль будет жить долго.

А зрителю, приходящему в театр, хочу пожелать побольше хороших спектаклей и, разумеется, достойных исполнителей. Не только в фестивальные дни.

Олеся ГОРДЕЕВА – лауреат международного конкурса, солистка Челябинского государственного академического театра оперы и балета имени М. И. Глинки, исполнительница роли Виолетты («Травиата»).

– Замечательно, что сегодня проводятся подобные фестивали. Для зрителя – это возможность увидеть и услышать новые оперные постановки, новых солистов. Для нас, артистов, – возможность обменяться опытом, особенно, если в фестивалях принимают участие мастера сцены. Счастье, если удается петь с ними в одном спектакле! То, что здесь, на фестивале, мне предстоит участвовать в спектакле вместе с итальянским тенором, для меня очень интересно. Я жду этой встречи…

Дмитрий РОЗВИЗЕВ – лауреат международного конкурса, солист Екатеринбургского академического театра оперы и балета, исполнитель роли Лыкова («Царская невеста»).

– О том, что опера – «умирающий» жанр, говорят на протяжении столетий. Но это неправда. Опера будет жива до тех пор, пока у человека будет голос, пока будет существовать классика и пока будут жить на земле композиторы. Ведь для любого серьезного творца опера является вершиной его работы.

А что касается вашего фестиваля – мне его идея очень нравится. Замечательно, что он родился в вашем сравнительно небольшом и очень уютном городе. У нас, в Екатеринбурге, такого праздника музыки сегодня нет. Так что нам есть чему позавидовать. Понятно, что проводить его сложно и финансово, и организационно. Но он есть, он живет – и это замечательно! Хочу пожелать вашему фестивалю, чтобы у него была долгая история. Чтобы он жил, процветал и еще много лет радовал магнитогорцев своими открытиями. Ведь мы выходим на сцену, чтобы отдать залу частицу своей души. Человек, пришедший в театр, должен уйти после спектакля окрыленным. Здесь он должен осознать, что, несмотря на все заботы повседневности, в мире существует подлинная красота. И она вечна.

Фото с сайтов: www.mariinsky.ru, www.uralopera.ru.

ДУШИ ИЗМЕНЧИВОЙ ПРИМЕТЫ

Полемические заметки дилетанта на полях фестивального блокнота

ОПЕРА В РОССИИ меньше, чем опера. Во всяком случае, в том ее значении, какое имел для нас этот музыкально-драматический вид искусства еще каких-нибудь четверть века назад.

Впрочем, утверждают, что и в Советском Союзе она являлась скорее «статусным искусством», «помпезной витриной режима», нежели насущной потребностью широких масс трудящихся. В Большой и Кировский (ныне Мариинский) театры водили преимущественно иностранцев. А в середине 80-х достать билеты на оперный спектакль в Мариинку было куда легче, чем в товстоноговский БДТ.

Так что грешить исключительно на нынешнее время, в котором шоу-бизнес с оглушительным напором сметает с экранов телевидения и из радиоэфира малейшие намеки на то, что называлось когда-то «концертами из произведений зарубежной и русской музыкальной классики», было бы не совсем справедливо. Будучи жанром, исторически занимавшим верхнюю ступень иерархии музыкально-драматического искусства, опера по определению никогда не претендовала на интерес широких зрительских кругов. Большинством людей образованных и грамотных она либо почти не замечалась, либо игнорировалась вовсе.

И причиной тому долгое время оставался разрыв между музыкальной основой оперного произведения, голосами хора и солистов и собственно режиссурой всего действия, без которой не может состояться ни один спектакль как таковой. Ответной реакцией зрителя на подобную несуразицу были высказывания в духе американского радиоведущего Эда Гарднера: «Опера – это когда парня проткнули кинжалом, а он, вместо того чтобы истекать кровью, поет»…

Оперные спектакли, увы, долгое время не умели пробуждать в нас те чувства, которые вкладывали в их музыкальную первооснову величайшие композиторы. Ибо музыкальная драматургия является сложнейшей из «пьес», подлежащих режиссерскому прочтению. И замечательно то, что сегодня настало время, когда в среде профессионалов заговорили о том, что оперу от обычного спектакля отличает наличие в ней главного действующего лица – музыки. И о том, что музыкальная режиссура имеет свои особенности в сравнении с режиссурой театральной и кинематографической.

Убедиться в этом могли все, кому удалось побывать в апрельские дни на спектаклях II международного фестиваля оперного искусства «Вива опера!» Сам факт его рождения в городе, еще десяток лет назад понятия не имевшем о собственном театре оперы и балета, можно назвать великим экспериментом, первые итоги которого оказались вполне убедительными. Спектакли, неизменно собирающие полные зрительные залы; очередная премьера, готовящаяся труппой специально к открытию праздника; обязательное участие в фестивале представителей двух ныне ведущих оперных театров страны – гергиевской Мариинки и бертмановской «Геликон-оперы», и как результат – расширение границ культурного пространства города – разве мало этого для двухлетней фестивальной истории?..

ФОТО АРТЕМА ЛЕВЫКИНА

Сцена из спектакля «Царская невеста»

Разумеется, не все спектакли нынешней его афиши можно назвать бесспорными удачами. Но ведь в искусстве иначе не бывает. В нем нет ни аксиом, ни теорем с изначально заданным итогом: a + b = c. И потому сегодня позволю себе поспорить с идеей петербургского режиссера Сергея Сметанина, работавшего над постановкой фестивальной премьеры – оперы Сергея Рахманинова «Алеко». Именно ему принадлежала мысль объединить в одном спектакле великую музыку и цыганские песни и романсы, придумав специально для этого пролог, излагающий историю появления в таборе пришельца из «неволи душных городов» Алеко. Сама по себе идея эта, безусловно, заслуживает интереса. Однако рискну утверждать, что любая опера классического репертуара является произведением настолько самодостаточным, что любые попытки «скорректировать» в нем сложившийся ход вещей – дело неблагодарное. В случае с магнитогорской версией «Алеко» музыка Рахманинова, наполненная лиризмом и ярким драматизмом сценического произведения, обнаружила, как мне кажется, явный контраст со специфической мелодикой народных цыганских напевов. Они оказались чужды друг другу, и в итоге – пролог показался мне чем-то искусственно привнесенным в канву истории о страсти, любви, кратковременном счастье и о том, что «свобода» в цивилизованном мире есть понятие весьма относительное и условное…

Так уж случилось, что почти все спектакли нынешней «Вива оперы!» мне довелось смотреть, что называется, «с чистого листа». И если «Алеко» был заявлен в ней как премьера, то, что касается «Сельской чести» и «Царской невесты» – их я смотрела только во время рабочих прогонов. Возможно, отчасти поэтому, но главным образом, конечно же, благодаря замечательному актерскому составу, оба эти спектакля сегодня я готова зачислить в разряд лучших из фестивальных работ. И в том и в другом случае солисты, приглашенные на фестиваль из театров Москвы, Петербурга, Екатеринбурга и Перми, продемонстрировали мало искушенному магнитогорскому зрителю подлинный класс музыкально-драматического действия.

Вообще, хорошая актерская игра, великолепные голоса, профессионализм хора и оркестра оказались способны скорректировать на фестивальной сцене явные недоработки постановщиков. К финалу «Сельской чести» с участием солистки Пермского оперного театра Ларисы Келль и «геликоновца» – заслуженного артиста России Вадима Заплечного – я, например, поймала себя на мысли: действие оперы захватило меня настолько, что как-то сами собой перестали раздражать не совсем удачное решение сценического пространства и «кукольная» сценография спектакля, яркость и пестрота которой вступает здесь в явный диссонанс с драмой чувств главных героев истории…

Что же касается «Царской невесты», она стала апогеем фестиваля, благодаря не только удивительно сложившемуся на сцене актерскому ансамблю из представителей Мариинки – заслуженного артиста России Виктора Черноморцева и Ольги Савовой, молодых солистов Екатеринбургской оперы Натальи Мокеевой и Дмитрия Розвизева, а также артистов Магнитогорского оперного театра. Черноморцев, в чьем исполнении интриган и властолюбец боярин Грязной обрел черты подлинно трагической фигуры этой исторической драмы, приковывал к себе внимание зрителей с первой до последней минуты спектакля. Бессмысленно живописать здесь вокальное мастерство обладателя национальной театральной премии «Золотая маска», полученной Виктором Михайловичем по итогам сезона 2007 года. Отмечу лишь еще одну деталь: сценический наряд своего героя он привез на фестиваль из Петербурга. Парчовый боярский кафтан, созданный по всем канонам исторического костюма, расшитый жемчугом, подбитый мехом и украшенный каменьями, стал в вечер представления тем необходимым цветовым акцентом, которого доселе так не хватало аскетичной сценографии магнитогорского спектакля. На фоне монотонных бревенчатых стен, подобных предначертанной свыше человеческой судьбе, которую в прямом и переносном смысле злой рок способен однажды «раскатать» по бревнышку, кафтан этот превратился вдруг в символ суетности богатства, дарующего человеку власть, но не способного сделать счастливым своего обладателя…

Это сильное впечатление, а возможно, и то, что вердиевская «Травиата» вот уже много лет остается для меня одним из любимейших произведений мирового оперного репертуара, пару дней спустя несколько притупили эмоции, связанные с русско-итальянской версией этого шедевра, представленного в фестивальные дни солисткой Челябинского академического театра оперы и балета Олесей Гордеевой и итальянским тенором Жаном Лукой Пазолини. Впрочем, несмотря на продолжительные аплодисменты в финале, часть зрителей, выходя из зала по окончании спектакля, тоже недоуменно пожимала плечами – мы, мол, ожидали от выступления солиста Ла Скала большего. Ответить на это могу лишь одно: счастье и трагедия любого театрального спектакля заключаются в том, что он существует здесь и сейчас, как и актерский успех или неудача в нем. И потому, отдавая дань безусловному профессионализму обоих исполнителей, скажу о том, что чего-то все-таки «не случилось» в тот вечер ни в зале, ни на сцене – не произошло чего-то такого, что затронуло бы потаенные струны души. Могу предположить, что причиной тому стала вполне объяснимая вещь: Пазолини, впервые участвовавший в русской постановке одной из популярнейших итальянских опер, просто не успел пройти необходимый «адаптационный период» – на это у него почти не было времени. Голос – инструмент деликатный и непредсказуемый. Ведь день спустя итальянский тенор предстал в программе заключительного гала-концерта фестиваля совершенно иным – раскованным и свободным оперным певцом, замечательно исполнявшим арии и сцены из опер Доницетти, Верди и Пуччини вместе с очаровательной Еленой Бакановой.

Публикация беседы с Еленой – бывшей магнитогоркой, «итальянской русской», как назвала себя она сама в нашем разговоре – ждет читателя впереди. А сегодня, подводя черту под увиденным и услышанным в течение десяти весенних дней, замечу лишь то, что самый молодой из наших фестивалей, несмотря на пока короткую историю своего существования, уже доказал городу, что опера в России все-таки способна стать «больше, чем оперой». Даже если еще совсем недавно город этот скептически относился к самой идее создания в нем театра оперы и балета. Ибо подлинное искусство не определяется для зрителя жесткими рамками жанра, если оно демократично и доступно пониманию каждого и обращено к разуму и душе человека.

ПУХ И ПЕРЬЯ СЕРЬЕЗНОГО ЖАНРА

В натуре каждого актера должна присутствовать доля здорового авантюризма

ФОТО С САЙТА WWW.HELIKON.RU

НАШ РАЗГОВОР не обещал затянуться надолго. Меньше чем через час заслуженный артист России, солист московского театра «Геликон-опера» Вадим Заплечный должен был репетировать партию Туридду в опере «Сельская честь» на сцене Магнитогорского театра оперы и балета.

Собственно, и просьба к актеру была у меня одна: произнести несколько слов во славу оперного искусства, мало популярного ныне в России по причине мощной конкуренции, которую составляют ему хлынувшие в страну потоком американские мюзиклы. Оперетта – и та воспринимается слушателем куда легче и проще, нежели «Риголетто» или «Волшебная флейта», музыка которых знакома широкому кругу российского слушателя разве что по мелодиям для мобильников. Однако, изложив все это в максимально сжатой форме, я неожиданно услышала в ответ:

– Вот вы говорите «оперетта теснит оперу». А ведь я стал оперным певцом после нескольких лет работы в театре музыкальной комедии – можно сказать, пришел в оперу из оперетты. Дело в том, что родился я в Молдавии, окончил центральную музыкальную школу при Кишиневской консерватории. Потом поступил в консерваторию на вокальное отделение. И при этом безумно любил оперетту. Своего театра музкомедии в Кишиневе не было. Ближайший находился в Одессе, и его труппа произвела на меня в то время неизгладимое впечатление. Мне казалось, что оперетта – это наивысшее из достижений музыкального театра, в котором есть все: и красивая музыка, и замечательное актерское мастерство, и умение танцевать…

Словом, я оставил консерваторию и поехал в Москву поступать в ГИТИС. Потом отправился на работу в театр музыкальной комедии Ростова-на-Дону. За шесть лет сыграл там 40 ролей! Нагрузка была ужасная – по 26-27 спектаклей в месяц. И репертуар у нас был очень приличный – мы ставили и оперетты, и мюзиклы… Но где-то на четвертом году работы мне вдруг стало не хватать серьезной музыки. Самым любимым из всех спектаклей был для меня «Юнона и Авось», в котором присутствовала хоть какая-то связь с человеческой трагедией. А так, вся остальная поверхностность сюжетов очень быстро начала меня раздражать, и вообще постепенно стало как-то скучно и даже безразлично, кого я играю, выходя в очередной раз на сцену, – Бони, Тони, Зупана или кого-то еще. Все образы слились в один. Я начал заштамповываться и понял, что нужно что-то менять в жизни.

Вот тогда я и принял для себя решение уйти, фактически, в никуда. Потому что театр, в котором я некоторое время работал затем, вообще не имел определенного направления. И на мое счастье, однажды произошла встреча с Дмитрием Бертманом. Он, я считаю, тот человек, который сумел совершить революцию в оперном искусстве – в том числе и для меня. Потому что и мне до встречи с ним казалось, что опера – эта некая «статичность»…

С тех пор на оперной сцене я уже 18 лет. И ездил много, и пел много, и спектаклей отыграл немало. Но каждый раз, выходя к зрителю, испытываю волнение. Потому что, кроме двух голосовых связок, у оперного певца больше ничего нет. А кроме того, что тебе необходимо спеть, ты обязательно должен еще и сыграть свою роль так, чтобы зрителю все это оказалось интересно… Так что на сегодня опера для меня остается жанром неисчерпаемым – мне в нем пока скучно не стало.

– А если все же станет?

– Не думаю. В оперном искусстве так много эмоциональности, трагедийности, комедийности и вообще всего, что только возможно в театре! Недаром ведь оперу можно считать прародительницей всего театрального искусства. Во всяком случае, греческая трагедия была к ней очень близка. Так что зрителю стоит ходить на наши спектакли. Они гораздо интереснее и глубже «легкого» жанра.

– В Магнитке вы будете выступать впервые. Вы не знаете ни сцены нашего театра, ни зрителя – это вас не пугает?

– Я считаю, что в натуре каждого актера должна присутствовать доля здорового авантюризма. Мы должны уметь быстро ориентироваться в незнакомых обстоятельствах. Ведь все, в конечном итоге, зависит от той эмоциональной, актерской и музыкальной наполненности, которую ты являешь зрителю со сцены в данный момент. Да, спектакль на спектакль не похож, но каждый надо обязательно играть, как последний в твоей жизни.

– В таком случае, мне остается по старой доброй традиции пожелать вам ни пуха ни пера.

– А кстати, вы знаете, как родилось это выражение?

– Ну, чего-то такого желали когда-то друг другу охотники.

– Это понятно. Но почему именно эти слова прижились в театре?

– Честно говоря, никогда не задумывалась.

– Потому что раньше, изображая сценический снег, бросали сверху пух и перья. И очень важно было, чтобы они во время действия не попали актеру в рот. Со мной, между прочим, случился однажды такой казус. Шел второй акт «Евгения Онегина» – сцена дуэли. «Снег», правда, к тому времени делали уже не из перьев, а из мелко нарезанной целлюлозы. И один такой кусочек я случайно вдохнул во время пения. Горло перехватило сразу – так, что ни одного звука я уже издать не мог. Ощущения, помнится, были не из лучших… В общем, случается в нашей жизни всякое. И ваше пожелание очень кстати…

РЕКЛАМА